

«ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА УДАЧА...»

В годы своей службы в Афганистане, я часто задумывался о самом феномене удачи. Как это получается: одному почему-то всегда «везет», другой же — хронический неудачник? Наиболее это бросается в глаза на войне — там человек рискует жизнью.

Все просто, сам это видел: стоит от тебя в двух шагах солдат, вдруг молча, схватился за голову и упал. Бросаешься к нему — мертв, пуля снайпера, или просто шальная, убила наповал. Почему в него, а не в тебя? Вот это и есть везение в чистом виде.

В разведке к удаче отношение особое. Здесь как в уголовном мире: главное — «фарт»! Все построено на риске и удаче, иногда самой невероятной. Любая самая незначительная мелочь играет роль: или ветка громко хрустнет, или камень из-под ноги покатится вниз, или собака невпопад залает, или вдруг луна не вовремя выйдет. Таких «или» у разведчика море.

Я читал, что в немецкой военной разведке — Абвере — такое качество как удачливость, вообще отражалось в официальной служебной характеристике офицера.

У нас, конечно, такого никогда не было. Главное — «... политику партии понимает правильно, в быту скромн...» и далее в том же духе. Читаешь такие характеристики — а в них о конкретном человеке вообще ничего и не сказано.

Надо сказать, что разведчик удачлив до определенного момента, пока его не убьют или крепко искалечат. Потом говорят — «Не повезло», хотя еще совсем недавно о нем говорили — «везунчик»!

Подполковник
В. А. Сидоров,
командир
860 омсп

Никогда не забуду Сергея Карасева, с которым я разговаривал незадолго до его гибели. Ему здесь посвящен целый очерк, но я хотел бы его дополнить.

Его взвод только что вернулся с боевого задания и он, находясь еще под впечатлением событий, взволнованно мне рассказывал, как в кишлаке он нос к носу столкнулся с душманом. Выстрелили они друг в друга одновременно: пули душмана прошли у него прямо над головой, выше на несколько сантиметров, он же не промахнулся. Вот тогда я и сказал ему — «Везучий». Знал быя, что буквально через 8 часов его привезут уже бездыханного в медсанбат. С тех пор больше никому и никогда я не говорил этих слов — слишком шаткое на войне везение.

Я здесь уже писал о погибшем командире 860 омсп подполковнике Сидорове. Обстоятельства его гибели тоже неординарны.

Бой шел в горах где-то в 10 км от Файзабада. Сидоров, стоя у командно-штабной машины (КШМ) на берегу р. Кокчи, по радио управлял боем. Вдруг сильный хлопок, похожий на выстрел. Он резко обернулся и спросил: — «У кого запал сработал?». А все шарахнулись от него. Он понял, что это в его «лифчике» сработал запал ручной гранаты Ф-1. В последние секунды своей жизни он не побежал, не стал пытаться сорвать с себя снаряжение с гранатой. Он крикнул «Бегите!» и прижался боком с гранатой к стальной броне БТРа. Взрыв..., он, конечно, погиб, но больше никто не пострадал.

Строго говоря, виноват в этом он, конечно, сам, так как не было необходимости, находясь вдали от боя, вкручивать в гранату запал. По всем инструкциям, это делается непосредственно перед ее применением. Сломалась в гранатном подсумке предохранительная чека — и произошел внезап-

ный взрыв. Утешает одно, что никого за собой не «потоптил». Обычно бывает наоборот.

Особенно часто это бывает у саперов, когда они вопреки всем правилам начинают «совещаться» у мины. Это категорически запрещается всеми наставлениями. Однако люди есть люди. По-человечески это можно понять. Найдя скрытую мину или заряд, человек внутренне расслабляется: ему кажется, что самое опасное позади. Вот она мина, но это лишь только начало и главная опасность впереди: это для опытного сапера. А для неопытного — обезвреживание мины чисто технический процесс. На этом обычно они все и попадают.

Так в конце (где-то в октябре) 1983 года недалеко от Альчинского моста под Кундузом на шоссе была обнаружена мина. Она стояла прямо на асфальте в специально выдолбленной лунке под тонким слоем песка, политого машинным маслом. Проезжающие машины наезжали на эту мину, она почему-то не взрывалась. Слой песка сдуло ветром, и вот она, желтенькая, лежит прямо в асфальте.

Вызвали саперов. Приехали они как на митинг, чуть ли не взводом. Сначала все шло, как учили. Один из офицеров снял верхнюю крышку мины и обнаружил, что во взрывателе нет пневмокамер. Особенностью итальянских мин ТС-2,5 и ТС-6,5 было то, что взрыватели там имеют пневматические предохранители. Наедет машина на мину, верхняя крышка мины опускается и давит на пневмокамеры, которые, в свою очередь, струей воздуха выталкивают предохранительные шарики взрывателя и происходит взрыв.

Так вот, на этой мине такие камеры были сняты, и взрыва не могло произойти. Все успокоились, напряжение схлынуло. Командир роты с командиром взвода устроили «совещание» над миной. Все удивлялись дурости душманов, установивших неисправную мину.

По инструкции мина снимается с места установки специальной «кошкой» на длинной веревке. Однако зацепить на этой мине «кошку» не за что, так как ручки нет, а сама мина круглая и гладкая. Короче говоря, начали снимать

Старший лейтенант
В. М. Осипов,
командир взвода
541 исб

мину. Едва тронули — взрыв. От офицеров почти ничего не осталось. Фамилию помню лишь одного — старший лейтенант В. Осипов, командир взвода, часто выходявший с нами на боевые задания.

А мина-то была с сюрпризом. Как раз предназначалась для саперов. Под верхней неисправной миной, служившей приманкой для саперов, стояла установленная на неизвлекаемость вторая мина. При ее подрыве детонировала верхняя мина. Вот так по вине командира роты погиб еще один офицер.

Правила войны пишутся исключительно кровью и пренебрежение ими всегда заканчивается плохо.

Таких случаев с минами я знаю больше десятка и я не буду утомлять вас подробностями, но конец всегда один — смерть людей, нарушивших правила, а заодно и рядом с ними находившихся. А сколько людей погибло от шальных пуль! Ведь что получается? Стоит человек на одном месте — убит, на полметра в стороне — целехонек.

20 августа 1983 года под кишлаком Мадраса практически рядом с аэродромом Кундуз случайной очередью, пущенной, причем, с большого расстояния (около 2 км) был убит командир взвода разведроты 149 гв. мсп Александр Смирнов. Пуля попала ему в шею, разорвала сонную артерию и спасти его было невозможно, хотя и доставили его в медсанбат минут через 20–25.

Другой случай. Недалеко от этого же кишлака Мадраса в конце года, мы проводили реализацию разведанных. Стою я у БМП, впереди кишлак в 500–600 метрах. Идет бой, стреляют, однако не особенно сильно. Вдруг, стоящий от меня сбоку в 10–15 метрах солдат, молча, схватился за голову и упал. Мы подбежали к нему — уже мертв, пуля попала прямо в лоб.

Погрузили его на лобовой лист моей БМП, все время пока мы возвращались, я смотрел на него и думал о бренности жизни: вот жил человек еще несколько часов назад, вот его уже нет. Шел он к этому 19 лет, ведь не думал умирать, и мы не думали, что он умрет. А он умер, и на его месте мог быть любой. Мог быть и я. Однако почему-то судьба избрала именно его. В этом и вся загадка судьбы.

Вспоминаются и положительные случаи везучести. Техник 2 разведывательной роты прапорщик Сергей Сонин в бою у кишлака Фулоли-Пайн 02.02 1984 г. по-

пал под пулеметный огонь и был ранен двумя пулями. Это произошло на моих глазах, я сам видел, как он бежал по косогору и трассирующие пули буквально прошли его. Он покатился вниз, и я крикнул комбату Тихонову: «Слона убили!». «Слон» — шутливая кличка рослого и здорового Сонины. Но бой продолжался и всхлипывать больше не было времени.

Однако, где-то через час, смотрю — по дну оврага идет Сонин. Я ему задаю глупый вопрос: — «Ты жив?». Отвечает — «Ранен». — «Куда?» Тут он снимает бушлат, под ним одна майка и бинты. Одно пулевое ранение в правое плечо, но в мягкие ткани навывлет. Другое в левое предплечье, касательное. Вот так человек попал между двумя пулями в одной очереди.

В другом случае командиру взвода, лежавшему за валуном, пуля рикошетом ударила по ботинку и, пробив подошву, застряла между пальцев. Причем это была не пуля, а только стальной сердечник от пули, оболочка же была разбита от попадания в камень. Нога при этом практически не пострадала.

Тогда же 02.02.1983 г., возле кишлака Фулоли-Пайн, о котором я уже писал, произошел еще один случай, когда действительно задумываешься о судьбе.

Старший лейтенант
А. Н. Смирнов,
командир взвода
рр 149 мсп

Кишлак Фулоли-Пайн, уезд Ишкамыш. Январь 1984 года. НР с офицерами и прапорщиками 783 орб

Танк Т-62Д 2-й роты разведбата подошел к окраине кишлака, и, хотя здесь только, что подбили из безоткатного орудия БМП командира роты, после проведенного артналета стало относительно тихо. Танк остановился, экипаж начал осматривать прилегающую местность. А механику-водителю «приспичило», да так, что он выскочил из танка и побежал в ближайший овраг. Едва он скрылся в нем, с окраины кишлака опять прозвучал выстрел, граната ударила в правый борт танка, пробила его прямо напротив боеукладки. Детонировал боекомплект, страшный взрыв снес башню, все находящиеся в танке, конечно, погибли. Жив остался только механик-водитель, за несколько минут до этого покинувший танк по нужде. Вот и не верь после этого в судьбу!

Весь мой боевой опыт говорит о том, что смерть обмануть нельзя. Она придет точно в срок отмерянной тебе жизни. А когда придет этот срок — не знает никто. Поэтому трусить не надо. Есть хорошее военное правило: «Не знаешь, как поступить — делай как должно, и пусть будет, что будет».

ДОМОЙ...

Замена в Союз пришла ко мне внезапно, как снег в середине июля. Я ведь еще с первых дней своей службы в Афганистане рассчитывал на замену не раньше чем в феврале-марте 1985 года, так как в декабре-январе замена не производилась.

А тут, в самом конце октября, приезжает подполковник В. Разуменко из Феодосии — мой заменщик. Вот это действительно подарок судьбы!

Оказывается, все дело было в том, что я прибыл в Афганистан, как я уже говорил, 31 декабря 1982 г., т.е. в последний день года. Хотя и в последний, но 1982-го. И на замену меня подали как прибывшего в 1982 году. Приехал бы на день позже — пришлось бы заменяться месяца на 4 позднее. А остался бы я живым за это время — неизвестно. Так один день решил мою судьбу!

Я был в это время на операции в провинции Баглан, Разуменко прилетел на вертолете прямо сюда. Еще около недели мы были там, я передавал ему свой опыт. Вот уж когда я действительно всего боялся. Когда заменщик стоял рядом со мной, я в полной мере ощутил, как обидно будет умереть на пороге победы. Своей личной победы в Афганской войне!

Надо сказать, что комдиву мой заменщик сразу не понравился: из «сынков» (мать — главврач военного санатория в Феодосии), как он попал в Афган — ума не приложу? Служил только в «теплых» местах в частях сокращенного состава. Я тоже, пообщавшись с ним полчаса, сделал вывод: во-первых — дай Бог ему продержаться на

должности 1–1,5 месяца. Во-вторых — абсолютно неподходящий для разведки человек. Одно дело быть начальником разведки в «пляжной» 157 мсд в Феодосии, другое — в афганской мясорубке.

Так оно в дальнейшем и получилось — его сняли через 2 месяца. Но и здесь сыграли роль его связи в верхах: вместо того, чтобы стать начальником разведки полка или бригады где-нибудь в Кандагаре или Газни, где его ждала, наверное, судьба Зайца, о котором я рассказывал ранее, его взяли в отдел боевой подготовки штаба 40 А. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Одно — ходить с солдатами на боевые операции и отвечать за все в полной мере, другое — носить портфель за большими начальниками и ни за что не отвечать. Так что, Разуменко выкрутился. Я не знаю его дальнейшей судьбы, но уверен, что он сейчас уважаемый человек и рассказывает небывлицы о своих подвигах в Афганистане.

За свою Афганскую войну я после нескольких первых месяцев мало думал о смерти, делал свое дело, полагаясь, только на удачу. Теперь реальность выскочить из афганских «жерновов» стояла реально передо мной. Поэтому эта неделя растянулась для меня в вечность.

Память навязчиво мне напоминала, как погиб Борис Наметов, командир разведроты 149 гв. мсп в последний свой боевой выход. Как погибли четверо солдат-разведчиков из разведбата за месяц до «дембеля», Михаил Григорьевич Ярошук, о котором я писал, за несколько дней до отпуска. Почему-то мне казалось, что и меня ждет подобное и так мне не вырваться отсюда.

А тут еще, как назло, на следующий день над Багланом у меня на глазах сбили вертолет МИ-8с десантом 149 гв. мсп, погибли 16 солдат и офицеров. Через день, опять же на окраине Баглана, из гранатомета почти в упор расстреляли танк Т-62Д с экипажем 395 мсп. Как будто специально стремительно росли наши потери в эти последние дни.

В эту же последнюю неделю погиб Дон — крупная, черная кавказская овчарка, любимец разведбатальона. Он был в Афганистане в два раза больше любого из нас — почти 5 лет. В 1980 году его, маленького щенка, разведчики взяли у пограничников. Так он жил и воевал вместе с разведчиками, его часто брали на боевые операции, особенно на «зачистки». Любого афганца он мог разыскать, где бы тот ни спрятался. Хозяева его менялись: кто был убит, кто ранен и комиссован, кто уехал по замене, а пес нес свою бессменную службу. Подстрелили его при прочесывании окраины Южного Баглана, причем он был сразу убит. Горевали по нему как по погибшему боевому другу.

Об афганских собаках хочу вообще сказать отдельно. Их в 40 А были тысячи, и не только «официальных» минно-разыскных немецких овчарок, которых привозили после курса обучения из СССР, а обыкновенных афганских сторожевых. Их в большом количестве солдаты брали при прочесывании кишлаков, щенков конечно. В любом гарнизоне, особенно в малых, на блокпостах, — везде были собаки. Они охраняли гарнизон лучше любого часового, да и общение с ними скрашивали солдатские будни. Выросшие среди солдат, они никакого внимания не обращали на незнакомых военных. Советских, конечно. Но на любого афганца срывались как бешеные. Даже на военных афганцев, а уж про гражданских вообще молчу. Иногда их брали на операции, и они помогали в охране подразделений. Поэтому командование на их существование обычно смотрело сквозь пальцы.

Клички у собак были специфические для Афгана, самые популярные из них: Душман, Дембель, Бабай (старик), Бача (мальчик), иногда по имени «духовских» главварей в районе дислокации — Башир, Ахмад, Гаюр. Были даже клички по радиопозывным подразделения: Дон, Орех, Витязь, Клумба. Нет нигде на территории бывшего СССР им памятника, а надо бы. Сколько жизней солдат-

ских они спасли от внезапного нападения, сколько мин нашли на дорогах!

Однако все когда-нибудь кончается. Закончилась и эта, самая длинная для меня операция, мы вернулись в гарнизон. Там я передал Разуменко всю канцелярию, представил его кому положено, самостоятельно попрощался с разведывательным батальоном, боевыми друзьями и 19 ноября убыл навсегда из дивизии, прослужив в ней 1 год 10 месяцев и 20 дней.

Отъезд мой из дивизии прошел незаметно. Готовилась новая серьезная операция в Панджшере и начальству было явно не до меня. Сейчас, по прошествии многих лет, все же удивляюсь, что ни командир дивизии, ни начальник штаба никак не отметили мой отъезд. Я был на хорошем счету, и со мной считались. А тут никто не догадался хотя бы построить офицеров штаба, поблагодарить за службу, пожелать успехов в новой жизни. Я сам всегда старался это делать, прощаясь не только с офицерами, но и с солдатами-разведчиками, уезжавшими в Союз.

Я, конечно, не ожидал, что меня будут провожать с оркестром и цветами, но пару добрых слов, конечно, заслужил. Тем более — в дивизии был награжден двумя орденами, представлен к третьему — то-есть свой долг выполнял честно. А тут непонятное равнодушие. Все-таки, чего в Советской Армии всегда не хватало — так это чуткости к людям. Из Кушки уезжал в Афганистан — никто из начальства не пожелал добра, и здесь тоже самое.

Однако, лишившись последних остатков сентиментальности в той жестокой жизни, тогда я не обратил на это внимания: меня ждала новая жизнь, новая служба, целая куча проблем — я в очередной раз ехал в никуда, поэтому мне было не до сантиментов. Вылетел вертолетом МИ-6 в Хайратон, пересек государственную границу, в Термезе сел в поезд, который привез меня в Кушку.

На том и закончилась Афганская война для «Кобры-97» (мой постоянный радиопозывной)!

А я тогда все еще не понимал, что Афганистан для меня закончился навсегда, мне все казалось, что я в отпуске, по окончании которого надо будет возвращаться в дивизию.

И смех, и грех! Еду в машине, водитель заезжает в рытвину на асфальте или выезжает на обочину — у меня внутри все обрывается, жду взрыва мины. Проезжаю мимо каких-либо кустов, внутренне напрягаюсь, оцениваю — нет ли засады. Эти «заморочки» преследовали меня не меньше, чем еще полгода. Даже в Одессе! Ну, уж, а во сне я в Афганистане жил еще лет пять — шесть, не меньше. Других снов не видел вообще.

*«В перекрестье прицелов мы тропу проложили,
Мы в войну не играли, мы в ней попросту жили.
Память пишет в уме сумасшедшую пленку.
Не до фильмов уже. Эх, зеленка-зеленка!
И крутится в памяти пленка,
И шрамы на сердце как звук.
Качу я во сне по бетонке в зеленку,
С войны незаконченный круг...»*

Поэт-афганец В.Пухов)

* * *

Больше всего жалею, что не вел в Афганистане военного дневника, тогда бы было больше фактов, деталей, а главное фамилий тех, кто был рядом со мной. Будучи еще там, думал про это, но так и не взялся за этот труд.

Мы думаем, что память вечна, а это не так, особенно когда проходит много лет. Память как сито: она оставляет только значительные события, а все мелкое проходит через нее, не задерживаясь.